

ТАЙНА ЗА СИРЕНЕВЫМИ СТЕКЛАМИ

Дом этот заметен издали. Даже на фоне ставшего уже по-европейски нарядным центра краски кажутся необычайно праздничными. Обычно так - «на пять с плюсом» - выглядят отделения престижных банков, солидные фирмы или открывшиеся неделю назад рестораны. А здесь скромная табличка у входа оповещает, что перед нами - музей.

Музей, к сожалению, весьма плохо известный даже москвичам. Одна из причин этого - то, что еще совсем недавно он таким солидным не был. Здесь лишь скромная квартира, превращенная в мемориальную. Но несколько лет назад городские власти вернули-таки дом его хозяйке. Пускай посмертно, через много лет, но справедливость торжествовала. А весь дом стал, как это и должно было быть уже давно, музеем.

Мы стоим на балконе. Под нами нескончаемый поток машин. И не верится даже, что еще каких-то сто лет назад место это вполне отвечало своему названию - «бульвар», и неторопливая публика наслаждалась шелестом деревьев... Да что там - еще в начале века нынешнего автомобиль был редкостью, и даже представить невозможно было, что здесь, перед домом, будут сигнализировать нервные шоферы, пытаясь поскорее выскочить из пробки, а автомобильные «ароматы» сделают совсем неслышными те, которые дает зелень. Здесь было тихо. И, наверное, на балконе любила вечером выходить хозяйка дома, чтобы вспомнить прошедший вечер. Балкон ведь так похож на сцену!

Этот дом подарил своей жене известный московский адвокат, ученик Плевако, потомственный дворянин Николай Петрович Шубинский. Собственно, биография его была такова, что вряд ли его портрет оставался бы висеть в зале при советской власти: кроме «опального» происхождения, был известным октябристом, да и конец жизни весьма неясен: ушел с белой армией в Крым и то ли эмигрировал, то ли скоропостижно скончался среди опять-таки «белого» окружения - неизвестно. Но портрет все же оставили.

Николай Павлович был мужем великой Ермоловой. Когда они поженились, Марии Николаевне уже было 23 года: известная актриса. «Гордость русской сцены» - да, так уже начинали тогда говорить про нее. Он же был начинающим адвокатом, и его известность была впереди.

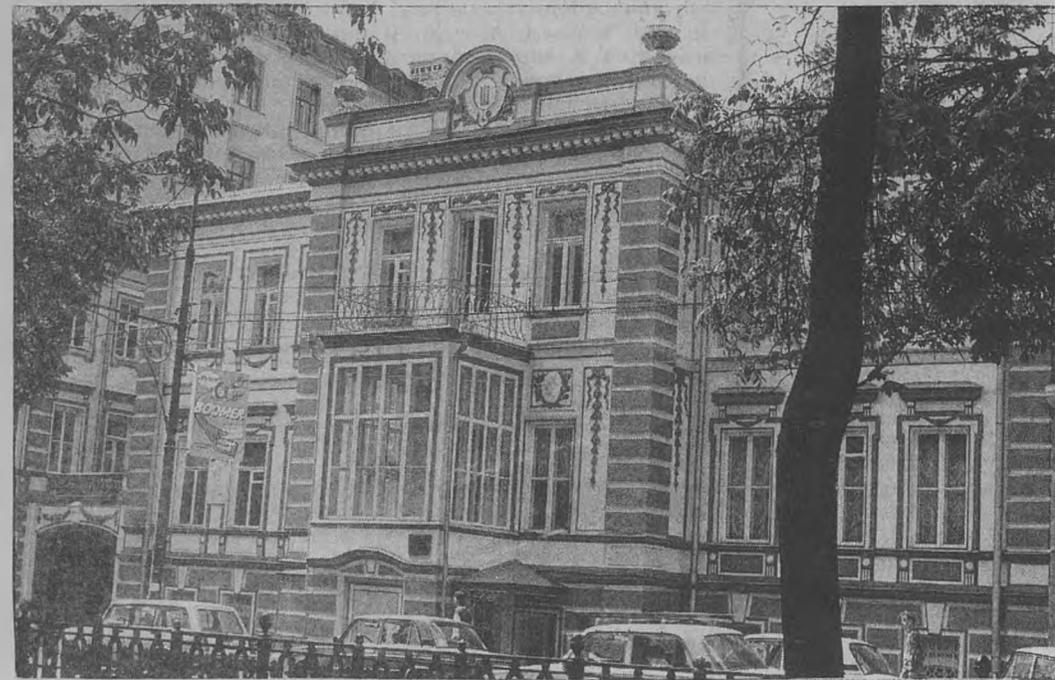
Что у них было общего? Богатый дворянин, получивший отличное воспитание и не мыслящий жизни без вечеров в свете. Дочь суфлера, окончившая театральную школу, из «третьего сословия». Пускай в Малом театре, но... что такое актриса?

Они любили друг друга. Искренне и самоотверженно, как могут любить молодые - ровесники! - и красивые люди. Она писала ему нежные письма. Расчета ни у кого из них не было, только любовь!

Год спустя у супругов родилась дочь. А через несколько

лет Николай Петрович купил жене в подарок этот дом. Большой, трехэтажный, с зимним садом. Здесь и прожила до самой смерти великая Ермолова. И даже советская власть не решилась ее «уплотнить». Правда, Мария Николаевна в последние годы играть уже не могла, из дому почти не выходила, гостей не принимала. Молилась Богу. Прощение надеялась вымолить - за то, что «в артистки» пошла. А ведь батюшка в церкви не раз твердил ей, что профессия эта негодна Богу. Не послушалась. Да она кого угодно не послушалась бы, шестнадцатилетняя Маша Ермолова: только театр! А нынче, стоящая на пороге смерти, просила Мария Шубинская прощения у Бога - за талант, бороться с которым не было сил.

Отпевали ее в церкви неподалеку, как Ермолову. И похоронили, как завещала, с родителями и сестрами на небольшом кладбище около церкви в деревне Выхино (деревня давно уже вошла в черту Москвы, да и кто помнит о старинном кладбище?) Правда, власти быстро поняли, что совершена ошибка - великая артистка, «гордость русской сцены» - и могила у церкви. Нельзя! И перезахоронили Марию Николаевну - против ее воли - на Новодевичьем. А дом-

таки «уплотнили». И долго здесь была обычная московская коммуналка. Последние жильцы жили еще в начале восьмидесятых, когда в здании уже была «музейная» квартира. Вот и знали об этом музее немногие. А он не просто существовал, но и работал. Как положено, посетителям встречал и научную работу вел.

Теперь стараниями работников музея сохранены и включены в экспозицию уникальные экспонаты. Вот старинная

контурка отца Марии Николаевны, обтянутая зеленым сукном. Не за ней ли делал гордый отец запись в блокноте: «3 июля 1853 года - родилась дочь Мария, день ангела 22 июля, в день святой Марии-Магдалины?»

Рисунки, первые фотографии. В шесть с половиной лет маленькая Маша была отдана в балетный класс театральной школы. Правда, этот вид искусства ее не привлек, но навсегда «поставил» осанку. Ермоловой сама природа велела играть царствующим особ: на каждом рисунке или фотографии - необыкновенная величественность. Да, она могла играть самые разные роли.

решает состояние молодой девушки. Комиссаржевская, Ленский, режиссер А.А. Санин - бессменный поклонник, а в жизни муж Лики Мизиновой, многолетний друг Леонид Валентинович Средин - он блестяще начинал в Москве как хирург, но заболел чахоткой и вынужден был уехать в Ялту. Ермолова с дочерью в Ялте - в гостях у Средина. Прекрасный портрет дочери - уже взрослой. И многочисленные фотографии Марии Николаевны.

Их надо смотреть неторопливо, одну за другой. Вот почти еще девочка, и старше, и тогда, когда вопросы о возрасте уже не задают. И удивительное превращение: в молодости

расстались, Николай Петрович уехал в Петербург. Но бывая в Москве, всегда останавливался в доме Марии Николаевны. Не расторгая брак, они вместе воспитали дочь. И на фотографии супруги рядом не только в дни счастливой молодости, но и в том возрасте, когда у каждого из них было «свое имя».

Его знали юристы обеих столиц. Ее слава границ не имела. Она была Ермоловой, понимала это - и жила в доме, где все говорило о прежнем счастье. Нашла силы сохранить в неизменности все, как было прежде в той жизни, где, казалось, будут только новые роли, новые удачи - и любовь.

Музей сохранил все. Вот комната, где гримировалась Ермолова. Парадные залы для приема гостей. Знаменитый зимний сад... А вот «обычные», в которых жили. «Зеленая гостиная»: цветы, банкетка - ах, какая же легкая, элегантная, эта мебель начала века, вся резная, вся - загадка. Да, на такой и должна была возлежать Прекрасная Дама, слушая комплименты поклонников.

А спальня Марии Николаевны поражает строгостью и простотой. Белое домотканое покрывало, белые полотенца. На столике - дневник: она вела его регулярно. Икона, кресты, распятие. Какие молитвы шептала долгими зимними ночами Мария Николаевна, какие записи оставила в дневнике? Можно только гадать: Все личные письма, все касаемые ее особы записки перед смертью повелела сжечь. И так и осталась в истории великой тайной.

Надо честно сказать: долгие годы разгадать эту тайну никто и не пытался. Ермолова - не та, живая, о чем-то молящая Бога, а такая, «как положено», должна была занять «дарованное» ей место в учебниках истории: чуть ли не народолюбка, Орлеанская дева, - с обязательным подтекстом «борьбы с самодержавием». И как только могли в юбилейный - 1953 года издания! - том писем актрисы просочиться неожиданное строки? Наверное, потому только, что

они - в письме о смерти актера Ленского, адресованные Л.В.Средину: «Горька, горька его смерть, и все время, которое мы переживаем, какой-то горячий бред! Полная разнузданность, грабежи, убийства, бездушие - вот что осталось от освободительного движения!» Написано осенью 1908 года, так что, надо полагать, «октябрьские беспорядки» (а в этом доме другого названия не нашлось) она приняла в расчет.

Другое дело, муж ее «беспорядки» резко не принял, уехал в Крым. Но как она могла без Малого театра! А его ведь не увезти - ни из России, ни из Москвы. И она осталась. Одна. Она - и ее театр.

Но не зря же эта женщина была великой трагической актрисой, не зря Жанну д'Арк играла! Человек необычайной цельности, она всю жизнь считала, что искусство должно ободрять, поднимать, вести вперед. Вот и Чехова не приняла: прочитала рассказ «В овраге» и поразилась, что же такое искусство даст читателю? Да и Чехову, когда они познакомились (он нанес визит в этот дом), Мария Николаевна тоже «не показалась». Разный мир, другое время. Эту-то цельность и «стремление вперед» и сделали своим знаменем прежние историки театра. И получился ясный, но не очень интересный образ. И проходят нынче люди мимо музея Ермоловой: что, мол, в нем такого?

А здесь интересно все! Портреты, фотографии, старинная мебель и волшебный зимний сад. В этом доме все, как и его хозяйка, тайна. И даже стекла здесь необычные: сиреневые, из-за чего Тверской бульвар становится призрачным и загадочным. А внутри музея есть сюрприз: здесь ... еще один музей - Андрея Миронова. Костюмы, в том числе знаменитого Фигаро, программки, книги. И становится удивительно тепло на душе: оказывается, у великого актера был точно такой же, как у меня дома, четырехтомник Мольера, и кто знает? - вдруг и карандашные пометки на тех же страницах? Как, оказывается, все связано во времени - плетется день за днем цепочка, не кончаясь, и, слава Богу, придут сюда завтра другие... И узнают «свои» книги.

А по субботам здесь показывают фильмы «с Мироновым». И записаны на видеопленку воспоминания его друзей. Многие посетители приходят сюда в этот день, чтобы еще раз побыть вместе с замечательным актером, так рано ушедшим из жизни.

Впрочем, музей готовит и другие вечера - памяти Смоктуновского, например. К учебному году - новые абонементы для детей. Музыкальные вечера будут устраивать тоже. Так что не стоит жалеть времени - сверните-ка с шумной Тверской. Не торопясь, мимо театра имени Пушкина, идите к Никитским воротам. И не забудьте: рядом с вами - музей...

Ольга ОГНЕВА.